

И. А. КУЩЕВСКИЙ

Литературная деятельность Ивана Афанасьевича Кущевского началась во второй половине шестидесятых годов прошлого столетия, когда, по определению В. И. Ленина, происходила тяжёлая, острая ломка старых «устоев» крепостной России, когда на смену ей шла Россия капиталистическая.

«Освобождение» крестьян и разочарование их давно ожидаемой «волей» повлекли за собой обострение классовой борьбы и новый под'ём освободительного движения в стране. Активными деятелями наступившего нового периода русской жизни выступили разночинцы, воспитанные на революционно-демократических идеях Добролюбова и Чернышевского. «Падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» (Соч., т. 20, стр. 224).

С первых шагов писательской деятельности, встав на путь служения народу, И. А. Кущевский вступил в разночинческую литературную семью и вскоре оказался довольно видным ее членом. Современники называли его «русским Диккенсом». Его произведения печатались в лучших тогдашних прогрессивных журналах, где сотрудничали Некрасов и Салтыков-Щедрин, Островский и Гл. Успенский, Решетников и Помяловский, Левитов и др. Со многими этими литературными и общественными деятелями своей эпохи Кущевский был связан не только деловыми отношениями, но и личной дружбой. По свидетельству А. В. Бараевой (жены Гл. Успенского), одно время Кущевский жил вместе с Успенским и Курочкиным.

В ту пору начавшейся после «реформы» реакции многие буржуазные интеллигенты, прикрываясь фальшивыми либеральными фразами, пошли на сговор с царским правительством. «Писатель-пролетарий», как он сам себя именовал, Кущевский один из первых в русской литературе изобразил процесс превращения героя в лакея, противопоставив казенным либералам эпо-

ли «реформ» представителей демократического лагеря и зарождавшегося народнического движения.

Романом Куцевского о «благополучном россияине» революционная молодежь зачитывалась едва ли меньше, чем романом Чернышевского «Что делать». И если печатавшийся в «Отчужденных записках» и вышедший в 1872 году отдельным изданием роман «Николай Негорев или благополучный россиянин» нельзя было обойти молчанием, то другие произведения Куцевского либо извращались буржуазным литературоведением, либо вовсе замалчивались.

В этом отношении Куцевский не избежал судьбы других разночинцев. Произведения писателей-демократов, изображавшие правдивые картины жизни «низов», с протестом против существующих общественных отношений, конечно, оказались не по вкусу реакционной критике, которая усердно отрицала вообще их художественную ценность. Даже критик радикального лагеря — «русский бланкист» П. Ткачев, в свое время приветствовавший роман Куцевского, со свойственной ему резкостью писал о рассказах последнего: «Человек, относящийся хоть сколько-нибудь серьезно к задачам и назначению беллетристики, не в состоянии будет пробежать ни одного из этих «маленьких рассказов» без того, чтобы не ощущать чувства глубочайшего омерзения к литературе подобного сорта». Тем же рассказам, которые так охаял Ткачев, дал, наоборот, высокую оценку известный русский писатель В. М. Гаршин в своих «Петербургских письмах».

Заживо хороня, третируя разночинцев, как третьестепенных писателей, подобные Ткачеву присяжные критики тем более старались не допустить их произведения к читателям после смерти авторов. Эта несправедливость исправлена только после победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Советское литературоведение опровергло ложные представления о якобы художественной малоценности творческого наследия писателей-разночинцев.

Но Куцевскому, на недооценку произведений которого не раз указывал А. М. Горький, и тут не повезло. Жизнь и творчество писателя остаются мало изученными. Упоминание фамилии Куцевского продолжается с неизменными приставками: «забытый автор», «незаслуженно забытый писатель» и т. д. При этом благие намерения «воскресить» Куцевского по сей час сопровождаются механическим повторением многочисленных ошибок, внесенных дореволюционной библиографией как в освещении жизни этого самобытного писателя, так и в оценке его творчества.

А. М. Горький отмечал, что история демократической литературы 60-х годов — это «мартиролог», то есть перечень мучеников». «Редкий из литераторов-разночинцев доживал до сорока лет, и почти все испытали голодную, трущобную, кабацкую жизнь». К этим «мученикам» относился и Куцевский, который сам называл себя в письмах к родным более мягко — «неудачником». Чего-чего не испытал он при жизни! И неоднократно горькую нужду, и частые болезни, и запой от систематических ударов судьбы, которая и после смерти не оставила писателя «неудачника».

До сих пор не существует сколько-нибудь обстоятельного научного исследования о жизни и творчестве Куцневского. Достоверно не было установлено даже место его рождения — предполагали не то Ачинск или Тобольск, не то Барнаул или Томск. А в последнем издании сборника «Маленьких рассказов» (Новосибирское книжное издательство, 1937) автор предисловия беспартийно утверждает, что Куцневский вообще не является уроженцем Сибири, а пробыл здесь лишь несколько лет в политической ссылке.

Утверждение это автор обосновывает указанием на очерки «Не столь отдаленные места Сибири», которые начинаются следующими словами: «Когда дело мое, за которое я попал в Сибирь, выяснилось и мне дозволили возвратиться в Россию...»

Казалось бы, что о жизни писателя правдивее всего может рассказать его собственное творчество. Но, оказывается, так бывает не всегда. Очерки «Не столь отдаленные места Сибири» представляют собой путевые заметки писателя, возвращающегося из сибирской ссылки в столицу. Они систематически включались в сборник произведений Куцневского и ни у кого не вызывали сомнений, поскольку не было никаких сведений о юношеских годах Куцневского до начала его литературной деятельности.

Обнаруженные в Алтайском краевом государственном архиве материалы, в том числе «родословная» писателя, восполняют этот пробел. Документами точно подтверждено, что Иван Афанасьевич Куцневский родился в Барнауле в 1847 году в семье титулярного советника, служившего мелким чиновником канцелярии Алтайского горного округа. По окончании Барнаульского горного училища будущий писатель поступает в Томскую гимназию, где проучился до 1866 года.

Картину существовавших в ней казарменных нравов Куцневский дал в романе «Николай Негоров или благополучный россиянин». Вспомним описанных в романе унтер-офицеров, наблюдавших «за порядком обучения, которым льстили слишком много, называя их учителями». Единственное, на что были способны эти «педагоги», — муштра питомцев, воспитывавшихся в духе беспрекословного повиновения. Малейшая провинность наказывалась розгами. Пороли все: учителя, надзиратели и даже инспектор. «...Сверх инспектора, который порол, так сказать, для собственного удовольствия, порол еще директор, и порол, как кажется, с государственной целью, по крайней мере, задравши до полусмерти мальчика, он сохранял спокойный вид человека, исполнившего свою обязанность».

Страсть к книге еще в гимназии определила литературную склонность юноши. Миниатюры свои из школьной жизни он давал читать соученикам и те расхваливали молодого автора. Это было первое признание писательского таланта И. А. Куцневского.

По окончании гимназии, рассчитывая продолжить образование в университете, он отправляется в 1866 году в Петербург — единственный культурный центр России, куда легче добраться

можно было тогда с попутными караванами золота, отправляющимися в столицу из Барнаула.

Этим же транспортом воспользовался и автор упоминавшихся выше очерков «Не столь отдаленные места Сибири». Приехав из Томска в Барнаул, он описывает свое первое знакомство с городом — Куцевский же вернулся в родной город, где вырос и учился. Автор очерков вместе с возницей остановился в Барнауле на постоялом дворе — Куцевскому незачем было искать место для ночлега в городе, где жили его родители с семьей и близкие родственники. Автор очерков пишет о Барнауле: «Маленький городок был очень роскошен, я не воображал себе таким даже голландского города негоциантов, Брука, где на улицах есть паркет и где никто не ездит в экипажах» — Куцевскому не с чем было сравнивать Барнаул, ибо он нигде, кроме Томска, не бывал.

В очерках есть много и других деталей, которые подтверждают сомнения насчет приписываемого им авторства Куцевского и, больше того, — опровергают такую возможность. Когда Куцевский уезжал из Сибири, ему было всего 19 лет. Если допустить, что он являлся автором очерков, надо учесть, что на выяснение упоминаемого в них «дела» требовался какой-то срок и немалый, ибо царские департаменты, как известно, не спешили обычно с разбором апелляций, поступивших к ним от осужденных на политическую ссылку в Сибирь. К моменту самого возникновения «дела» поэту Куцевскому должен был быть совсем юнцом. До 1866 года он никуда из Сибири не выезжал, и поэтому он не мог «возвратиться в Россию», где раньше не бывал, да и не нуждался в «дозволении» на поездку в Петербург, т. к. это ему не запрещалось.

Очерки были напечатаны под псевдонимом «Хайдаков» в седьмой книге журнала «Отечественные записки» за 1875 год, за год до смерти Куцевского. Расшифровал этот псевдоним, приписав его И. А. Куцевскому, автор некролога о нем в журнале «Пчела» (№ 15 за 1877 г.). Но последний ошибся.

«Хайдаков» — псевдоним другого писателя, вероятнее всего Л. П. Блюммера (1840—1888 гг.). Дореволюционная справочная литература дает о нем такие сведения: выходец из дворянской семьи, Леонид Петрович Блюммер получил разностороннее образование и владел несколькими иностранными языками. Он жил за границей и даже выпускал там русскую газету, за что при возвращении в Россию был сослан в Сибирь. Дело его действительно было пересмотрено, после ссылки в 1871 году ему разрешили вернуться и проживать в столице. На сибирском материале Л. П. Блюммер написал роман «На Алтае» (первоначально он печатался в журнале «Заря» под названием «Около золота») и ряд рассказов о жизни золотопромышленников, с которыми познакомился, будучи в ссылке в алтайской тайге. Кстати, и в очерках «Не столь отдаленные места Сибири» основное место отведено описанию истории сибирского золота, жизни и нравам золотых приисков. В произведениях Л. Блюммера мы находим много страниц, схожих с этими описаниями в очерках. Куцевскому же золотая промышленность была незнакома, и он на эту тему ничего не писал.

К сожалению, розыски в архивах пока не привели к подтверждению наиболее вероятной гипотезы, что «Хайдаков» — это псевдоним Л. Блюммера. Найденные же документы по биографии И. А. Куцевского убедительно говорят, что его перу очерки «Не столь отдаленные места Сибири» никак не могли принадлежать. «Хайдаков» — псевдоним, явно ошибочно приписанный Куцевскому, ввел в заблуждение его ранних и последующих биографов, составителей сборников произведений писателя и даже такого достойного доверия старейшего советского библиографа, как И. Ф. Масанов, — автора академического издания «Словаря псевдонимов». Вместе с ними были введены в заблуждение и несколько поколений читателей Куцевского.

Написанные от первого лица, очерки дали повод для неправильной оценки и мировоззрения Куцевского, в частности его взглядов на жизнь пореформенного крестьянства Алтая.

Вся эта путаница на протяжении более 80 лет объясняется невниманием литературоведов к личности И. А. Куцевского, жизнь и творчество которого остаются неизученными. Между тем талантливый бытописатель русской жизни, внесший ценный вклад в сокровищницу русской литературы, достоин иного отношения к себе, заслуживает пересмотра старых и ошибочных оценок.

Идейными учителями И. А. Куцевского были революционные демократы Добролюбов и Чернышевский. Ученик «боготворил» и своего литературного «крестного отца» Некрасова, чьи произведения знал наизусть. У своих учителей он учился служить народу словом правды, а служил он восторженно, со всем пылом своей жизнерадостности, которой полна была его натура и которую не могли в нем убить ни нужда, ни неудачи, ни даже сивуха.

Родители, видимо, не имели возможности помогать сыну получить университетское образование, и сразу же по приезде в Петербург он должен был сам себе зарабатывать на «хлеб насущный». Надежды юноши с далского Алтая оказались тщетными — без знакомств и помощи влиятельных особ поступить в университет не удалось. Очутившись в столице без копейки денег в кармане, будущий писатель вынужден был наниматься куда попало то грузчиком, то чернорабочим.

Началу писательской деятельности Куцевского, как это ни странно, помогло то, что он заболел тифом и попал в больницу. Вот что он писал об этом впоследствии:

«Рядом со мной лежал какой-то жалконький сотрудник «Петербургского листка». Он был человек добрый и по-больничному денежный. Раз к великому моему удивлению я узнал, что он получает за свои литературные работы 15, а то и 20 рублей в месяц.

Подумав о литературе, я как-то вдруг вдохновился... Как бы то ни было, я раздобылся у фельдшера бумагой и принялся за работу. Через неделю был готов этнографический очерк и с великими хлопотами отправлен в редакцию одного ежемесячного журнала, теперь уже не существующего, но до шестьдесят шестого года занимавшего первое место в русской литературе.

Я так уважал этот журнал, что отправил туда свое сочинение как будто на смех, в полной уверенности, что там такую дрянь выбросят в помойную яму. Каково же было мое счастье и удивление, когда я получил письмо следующего содержания: «Ваш очерк будет напечатан. Потрудитесь известить, где и когда можно с вами видиться, чтобы переговорить об условиях гонорария. Если вам нужны деньги, потрудитесь также упомянуть об этом, чтобы я захватил с собою».

Он — сам, он — тот гений, сочинения которого я знаю наизусть, которого я боготворю, увидав которого, вероятно, паду к ногам и слижу ему всю ваксу с сапог — сам он собственноручно пишет ко мне, жалкому, убогому и ничтожному!

Меня просто трясла лихорадка...

...Едва ли менее меня был обрадован этим письмом мой сосед по кровати — обличитель.

— Покажите, голубчик, покажите! — молил он, когда я прятал письмо, показав ему в двести двадцатый раз.

Он брал письмо великого поэта и покрывал его горячими, страстными поцелуями; оно цело и теперь у меня, но подпись слизана — все он слизал своими поцелуями.

— Ломите сразу десять рублей вперед — дадут! — внушал он мне.

Я не заломил десяти рублей, а просто написал, что очень нуждаюсь в деньгах, и — чем дадут их больше, тем для меня лучше. Дурно я помню ту сцену, когда он приехал... У меня текли по щекам невольные, неуправляемые слезы, и я не воспользовался его протянутой рукой — не осмелился протянуть свою... Я говорил все без исключения глупости; он вручил мне двести рублей и уехал...».

Этой щедрой по тем временам суммы, врученной редактором «Отечественных записок», великим русским поэтом Некрасовым, хватило Куцевскому не надолго. Новые знакомые помогли быстро израсходовать первую получку. Пришлось заняться литературной поденщиной. Но гонорара, который платили газеты, не хватало на жизнь, и Куцевский по-прежнему продолжал работать грузчиком.

Однажды, работая на Неве, он упал в воду, простудился и опять слег в больницу. Больной, в ужасных условиях, он здесь продолжал писать задуманный раньше свой замечательный роман.

По воспоминаниям Н. Е. Каронина-Петропавловского, приведенным А. М. Горьким в сборнике «О литературе» (Москва, 1955), Куцевский в больнице жаловался фельдшеру:

— Жить я не буду все равно, но мне необходимо написать роман, вот вы и помогите в этом — дайте мне свечку. Днем писать запрещено и мешают, значит надо писать ночью, а без свечки — темно, понимаете?

Он у всех просил свечек, но думали, что это бред, и не давали ему огня, он выменивал огарки на свои больничные порции, голодал и писал, а однажды взял казенную свечу из ванной комнаты, это заметили и отняли свечку у него, а он — плакал! И все-таки написал роман...

Написанный в форме автобиографических записок «благо-

получного россиянина» Николая Негорева, роман обличает ренегатство части буржуазной интеллигенции, играющей в либерализм, зло высмеивает мещанскую сущность перерожденцев и со всей горячностью ратует за революционное движение.

Устами своего главного героя Куцевский описывает путь Николая Негорева, становление либерала новой формации, умного карьериста, для которого собственное благополучие — превыше всего. Уже в первой части романа перед читателем встает маленький эгоист и делец, способный ладить со всеми окружающими — отцом и кухаркой, теткой и гувернанткой. А повзрослев и став студентом, он уже размышляет «по какой жизненной дороге следует идти к благополучию». Обдумав, что выгоднее, Николай Негорев откровенно признает, что он «далек от желания сделаться добросовестным тружеником». Наблюдая окружающих его либеральных болтунов из светских гостиных и метко высмеивая их в своих записках, «благополучный россиянин» и сам не прочь поболтать о народолюбии и представиться либералом, если эта игра будет лишь ему на пользу.

В конце романа Николай Негорев сухо отталкивает от себя погибающего друга детства Новицкого, распоряжается арестовать его вместе с заступившимся за него Савельевым. И когда их выводили из ворот дома «благополучного россиянина», он, вспоминая свое прошлое, цинично восклицает: «Господи, когда-то эти были моими товарищами! Когда-то мы все были равны!».

В противоположность буржуазным либералам среди героев романа выведена и фигура народника Оверина — человека, не терпящего фальшивых либеральных слов, которые служат самоуслаждением для сытых бар, жаждущего дела, революционного действия.

Несмотря на сложную по форме композицию романа, в котором автору пришлось рисовать образ своего положительного героя рукой «благополучного россиянина», фигура Оверина предстает перед читателем весьма привлекательной. Критика в свое время отмечала, что в любовно, с явным сочувствием выписанном колоритном образе Оверина — много автобиографического, показаны политические взгляды самого Куцевского. Умный и волевой человек, бунтарь по натуре, фанатик своей народолюбивой идеи, — Оверин на общем фоне делячества и либеральной болтовни особенно привлекает симпатии читателя.

Вступивший в демократическую литературу со своей темой и новыми образами, с индивидуальной творческой манерой изображения жизни, И. А. Куцевский вскоре после появления романа в «Отечественных записках» стал весьма популярным писателем. Пришла всероссийская слава, но и после этого признанный писатель продолжал жить в нужде и лишениях.

«Ныне писатель, — отмечал Куцевский, — по большей части, голый бедняга, вынужденный ради куска хлеба писать чуть ли не день и ночь». Куцевский пишет рассказы и очерки, фельетоны и заметки в газеты, по совместительству нередко занимается физическим трудом в качестве чернорабочего и даже прибегает к помощи благотворительной общественности.

Появившиеся в 1875 году отдельной книгой «Маленькие рассказы» Куцевского, как и выпущенные уже после смерти

писателя (1881 г.) «Неизданные рассказы», посвящены, главным образом, трем волновавшим его темам.

В таких рассказах, как «Сеятель пустыни», «Два нигилиста», «Либеральный барин» и «Земский деятель», Куцевский продолжает развивать тему «благополучного россиянина», ярко изображая борьбу старого и нового поколений («отцов и детей»), со злым сарказмом разоблачая всю фальшь буржуазно-помещичьего либерализма.

Другие рассказы («Варадат», «Ошибка молодости», «Дачные путешественники») характеризуют глубокие противоречия общественного строя современной писателю России, произвол над «низшим» податным сословием и привилегии дворянства.

И, наконец, третья тема рассказов Куцевского — это бесправное положение женщины. Жгучему для разночинцев «женскому вопросу» посвящены рассказы «Бедная Лиза», «История швеи», «Тяжелая жертва», «Гражданский брак», «Труженицы», «Первый день по выходе из благородного пансиона» и многие другие. Выступая в них поборником равноправия женщин, писатель сознавал, что их раскрепощение — лишь часть общей борьбы за раскрепощение народа.

Есть у Куцевского рассказ «Самоубийца» о знакомом петербургском писателе, которого отец обложил «оброком по десять рублей в месяц, под страхом не высылать паспорта и потребовать назад, к себе, в деревню. Покуда средства были, сын платил оброк аккуратно, но литературные заработки непрочны». И скоро писателю пришлось под конвоем пропутешествовать «несколько сот верст в ручных кандалах. Он очутился перед грозными очами отца, который не принял во внимание никаких извинений в неаккуратном взносе оброка...», высек сына и, под угрозой повторить экзекуцию, вновь отпустил его в столицу при условии увеличения оброка до 15 рублей в месяц. Писатель, получая гроши за свою работу в газете, опять задержал высылку денег отцу и, под страхом попасть в пересыльную тюрьму и вторично быть высеченным, покончил жизнь самоубийством.

Сам Куцевский, хотя и не принадлежал к «податному» сословию, торговал с рук фруктами на улицах, устраивался в ночлежках, часто ложился в больницу, чтобы лишь не умереть с голоду. Надорвав свои силы в борьбе за существование, Иван Афанасьевич Куцевский умер 12 августа 1876 года в возрасте 29 лет в такой ужасной нужде, что не во что даже было одеть его для похорон.

После смерти Куцевского его литературное наследство долго не находило издателя в дореволюционной России. Лишь в наше, советское время избранные произведения писателя-разночинца, его роман «Николай Негорев или благополучный россиянин» переиздавались дважды в 1917 и 1937 годах.

Острые по своей социальной направленности, произведения Куцевского, ярко запечатлевшие правдивые картины народной жизни, написанные простым и вместе с тем образным языком, благодаря своим художественным достоинствам читаются с интересом и сегодня. Творческое наследие писателя-разночинца имеет большое познавательное значение для советского читате-

ля. Оно дорого нам еще и потому, что проникнуто неизменно горячим стремлением И. А. Куцевского к свободе, его глубоко искренним желанием разумной и счастливой жизни народу, которому писатель в неимоверно тяжелых условиях служил вдохновенно и преданно.

Г. РАППОРТ.
